

Заново, как в первый раз

Дмитрий Ахметшин
Заново, как в первый раз

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Заново, как в первый раз / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

После того, как над городом пролетела комета, у Егора, скромного ученика десятого класса, появилась способность выпускать изо рта и ноздрей огонь и дым, а его желудок мог переваривать всякие твёрдые предметы, даже стекло и железо. Также феноменальные способности появились у его одноклассницы, Насти, в которую Егор был тайно влюблён. Она могла усилием воли управлять электричеством, выключать и включать свет. Егор решил похвалиться своими новыми способностями перед ребятами (на самом деле он хотел обратить на себя внимание Насти), но над ним все посмеялись. Как Егор доказал всем, что он не такой, как о нём думают, и как сумел добиться расположения Насти вы узнаете прочитав этот рассказ.

Рассказ.

1.

Когда дракон взглянул с небес вниз, на планету, все уже ждали его появления. Грянула музыка, и, как по команде, люди принялись веселиться и танцевать, словно стараясь уверить великого космического путешественника, что на Земле всё прекрасно – лучше быть не может!

Редкие горожане говорили своим соседям и друзьям, пытаясь воззвать к голосу разума: «Вторник, сегодня же только вторник. И впереди ещё целая рабочая неделя! К чему всё это, зачем вы веселитесь? Дракон посмотрит и улетит, а нам здесь жить, ковырять землю в надежде на хороший урожай, удить рыбу...» Но всё без толку. К часу ночи в небо взлетели первые фейерверки – земной огонь для огня небесного. А дракон промчался мимо, озарив половину неба пурпурным сиянием и затмив множество далёких звёзд, тем самым демонстрируя, что эта пыль не стоит и искорки из его ноздри. Жители высыпали на крыши, словно желая проводить его на другую сторону Земли, свистели и смеялись вслед; дети, которым разрешили по такому поводу попозже лечь спать, запускали воздушные шары и бумажные самолёты. Собаки лаяли, кошки прятались от суеты в подвалах.

Столько людей наблюдало появление кометы, что и не сосчитать. Даже Егор одним глазком глянул, хотя ему и не хотелось. Сумятица за окном начала нервировать его задолго до того, как появилась её причина. Против обыкновения, он выключил компьютер в восемь вечера, умылся и рухнул в постель, намереваясь заснуть прямо сейчас, желательно до того, как голова коснётся подушки, заранее мокрой от пота, потому что в начале лета в Краснодаре по-другому никак. Лежал и пялился на часы, ненавидя весь мир. Через полчаса в комнату, как всегда без стука, заглянула бабушка.

– Егорка! Все метеор смотреть пошли, – её совершенно не заботило, что внук может видеть уже десятый сон. – Вот-вот появится. А ты чего?

Бабушка считала, что в жизни Егора не происходит ничего интересного, и потому позволяла себе вторгаться туда чуть ли не с метёлкой, чтобы собрать пыль, паутину, выгнать обитающего там паука в большой мир.

– Что-то не хочу.

Силуэт пожилой женщины в свете яркой лампы напоминал огромный мухомор, детей которого Егор, будучи малышом, мог беспечно растоптать в лесу.

– А я пойду, – сказала бабушка с вызовом. Она уже облачилась в свой выходной сарафан и сандалии. – Меня подружки ждут. Спросят: «Егор-то, поди, до утра шляться будет с мальчишками, распоясалась нынче молодёжь!», а я что скажу? Что ты, как старая дева, дома сидишь? У всех внуки как внуки...

– Ну ба! – Егор сел на кровати, водрузив от досады подушку на макушку. – Мне шестнадцать. Я уже достаточно взрослый, чтобы сидеть дома и никуда не ходить.

– Не хами старшим, – сказала бабушка и ушла, оставив дверь открытой. Её голос доносился из прихожей. – Этот глаз дракона – сущая панацея! Говорят что тот, на кого он взглянет, непременно станет лучше. Мне кажется, тебе, Егорка, нельзя упускать шанс поработать над собой. Даже таким способом. Я вот сейчас накрашусь, да пойду. Может, грыжа отпустит.

– Это же просто суеверия, – застонал Егор, падая на матрас.

Но бабушка не услышала. Хлопнула дверь. Свет в коридоре продолжал гореть.

Молодой человек укрылся с головой простынёй и вновь попытался заснуть, но голова пухла от мыслей, словно у страдающего гидроцефалией плюшевого медведя – от ваты. Когда маленькая стрелка настенных часов переползла за полночь, комната вдруг озарилась красным светом. Свет насмешливо проник сквозь облако задёрнутых штор, добрался до стола и запол-

нил собой даже вложенные одна в другую чашки с остатками чая и кофе. Снаружи донёлся звук, похожий на шелест дюна под южным ветром – Егор не сразу догадался, что он исходил из десятков глоток. Он заочно ненавидел эту комету. К чёрту глаз, и дракона, им обладающего, тоже к чёрту! Придумали же названице... Приспичило ему поглазеть на планету землян именно сейчас, когда он, Егор, никак не может позволить себе выйти и встать плечом плечу с остальными. Он жалок. Самый жалкий из людей. В лучах красной звезды, появившейся сегодня на южном небе, должны греться сливки общества, никак не такие как он.

Когда шелест песка превратился в настоящий водопад, когда грянули первые салюты, Егор вскочил и отдернул штору, распахнул окно и высунулся наружу. Одурающе пахнуло лимонами. Комета почти миновала небо, но, подняв глаза, Егор почти *увидел* пучок пунктирных линий, которые оставляли в воздухе взгляды людей. Все они сходились в одной точке: красный огонёк плыл между крышами на западе. Он был куда больше Венеры, смахивая на грейпфрут, который кто-то зашвырнул высоко-высоко. Для небесного тела метеор двигался необычайно быстро – подросток созерцал его всего восемь или десять секунд – но за это время они успели обменяться взглядами. И когда глаз мифического ящера исчез из поля зрения, провожаемый аплодисментами, подросток с трудом добрёл до кровати и рухнул в неё, будто срубленная ёлка на перину из снега. И моментально уснул.

2.

Наступившее утро, как всегда в этих краях, было пронизано ароматом мёда, парадоксально смешивающимся с вонью запорожцев и узиков-«буханок», торопящихся на базар, чтобы занять самые выгодные места у входа. Порой вспыхивали ожесточённые словесные потасовки; эхо их доносилось до распахнутой форточки. Егор натянул простыню на глаза, обречённо позволяя изгрызть свой беспокойный, полный неясных образов сон десяткам личинок шелкопряда. Бабушка придёт его будить через три, два, один...

Распахнулась дверь, впуслав запах масла и оладий, как всегда подгорелых. Точна и исполнительна, как смерть.

– Я что-то приболел, – сказал Егор. – В школу, наверное, не пойду.

– Беденький, – проворковала бабушка. – Я сделала кофе с мороженым. Трудно, наверное, тебе пришлось вчера. Все вокруг веселятся, а на улице творится чёрт те чё. Пытаться уснуть, когда можно поучаствовать в тысяче приключений, пропасть на всю ночь, заставлять волноваться родных и совершенно не думать о них.

Бабушкина манера говорить убаюкивала, прокрадываясь в сонный разум, а потом взрывала его изнутри, словно диверсант с натянутым на хитрющее лицо чёрным чулком. Когда она хотела растормошить (или как следует разозлить) внука, то принималась говорить так, будто зачитывала вслух абзац из книги Брэдбери.

– Было бы лучше, если бы это была вода, – сказал Егор. Он очень любил кофе, но сейчас почему-то меньше всего хотелось вливать в себя эту сладкую гадость.

– Да ты прямо медуум, – сказала бабушка где-то совсем рядом. А потом на открытый лоб подростка тонкой струйкой полилась вода. Он разевал рот, пытался отбиваться, накрывался всем, чем можно, а потом вскочил, мокрый, вытянулся по струнке, словно в армии, которая грозила откуда-то из недалёкого будущего – уж кто-кто, а бабушка точно не станет его откупать... – но рядом уже никого не было. Старушка гремела посудой на кухне.

– От завтрака я, пожалуй, откажусь, – хмуро сказал он.

– Оладьи уже готовы!

Егор с трудом переоделся и, проигнорировав ванную комнату (фактически он уже умылся, даже принял душ), поплёлся на кухню.

– Да, ты и правда худо выглядишь, – сказала бабушка, на этот раз серьёзно. – Ну-ка, марш обратно в постель, рахитичная ты натура. Но прежде сходи на свидание с раковиной. У тебя что-то под носом прилипло. Так и быть, завтрак получишь в постель.

– Я передумал насчёт школы, – мальчик бросил взгляд на часы. Первый урок – физкультура, которую он ненавидел лютой ненавистью и на которую вполне благополучно не успевал. Бабушка упёрла руки в бока и разразилась совершенно демоническим смехом.

– Молодец, внук. Иногда я вижу, что ты стараешься и, как настоящий подросток, всё делаешь мне наперекор, – сказала она. – Но почему-то не тогда, когда нужно.

И почти всегда не так, – закончил про себя Егор.

3.

Папа одарил Егора фамилией Гримальдов, и Егор совершенно не видел в ней ничего предосудительного (кроме слова «гримза», которым его дразнили в садике цыганские дети) до тех пор, пока в восьмом классе не начал проходить по физике дисперсию света. (Надо сказать, что по физике, как и по большинству других предметов, Егор был ноль без палочки; он не думал вникать в то, что не понимает; на уроках пялился в окно, ковыряясь в носу, или, когда его пересаживали к стене, дремал, уткнувшись носом в сгиб ладони). Тошная, как спичка, Нина Николаевна рассказывала про физика Гримальди¹ и объясняла премудрости прохождения света через призму. Вокруг медленно нарастал смех. А на перемене кто-то посоветовал Егору «не смущать людей великими познаниями и убираться обратно в свой кратер на луне». С тех пор к нему прилипла кличка Гримальди.

– Эй, Гримальди, ты что сегодня, вторую мировую решил начать? – Спросил Черемяго.

– Что? – Егор поднял голову от тетради, где рисовал бегущих куда-то палочных человечков.

В это время вошла учительница, Ада Михайловна, которая в течение десяти минут общалась о чём-то в коридоре с завучем. Эта пышнотелая армянка буквально попирала несимметричностью своих форм великую науку, которую преподавала – геометрию. Увидев, что подопечные смотрят на Егора, она вдруг изменилась в лице.

– Гримальдов, встань!

Егор подчинился, не слишком понимая, в чём он провинился.

– Ты что же, не умывался с утра?

– Умывался, – Егор шмыгнул носом, созерцая ухмылки на лицах ребят. – Я вроде как заболел.

Все, все на него смотрели. До последнего парня, до последней девчонки. В сущности, ничего удивительного, обычный школьный неудачник, каких миллионы, но всё же... чем он это заслужил? И почему он так жалок? Почему не способен сохранить чувство собственного достоинства, как, например, Олле, высокий, почти нордический блондин с редким в этих краях типажом, который запросто жуёт жвачку, когда его вызывают к доске, и бесстрастно смотрит на учителя своими льдистыми голубыми глазами, да так, что тот мешается и зачастую первым опускает взгляд. Или Черемяго (который, кстати, запросто всегда смеётся над своей фамилией), маленький человечек, в родственниках которого, кажется, водились все возможные национальности; его выгоняют с урока не реже двух раз в неделю. Выходит из класса он всегда вразвалочку, уверенный на сто процентов, что когда-нибудь взойдёт такой же походкой на жизненный олимп.

Егор вздёрнул глаза. *Она* тоже смотрит.

– Тогда тебе следовало оставаться дома! – рявкнула Ада Михайловна, сжав пухлые руки в кулаки, – и не смущать людей своей физиономией.

На лицах появляются ехидные улыбки... и на её лице тоже.

– Можно мне в туалет? – спросил Егор, чувствуя, как к горлу подкатывает комок из огня и слизи.

– Можешь выйти. И на мой урок не возвращаться.

На пороге Егор оглянулся, надеясь поймать её взгляд. Но ей уже не было до него никакого дела. Смотрит в окно на воробьёв, собирающих с листьев насекомых. Лицо ангела, белокурые локоны, спускающиеся на плечи, и дальше, на спину, хрустальный подбородок с почти прозрачной кожей. Лёгкий беспорядок в одежде и усталые глаза цвета пасмурного неба: почти наверняка они вчера тоже наблюдали комету. Эта мысль, мысль, что они вдвоём смотрели в одну точку, пусть даже в разное время, немного приглушила обиду Егора. Он открыл дверь и вышел. Свет в аудитории мигнул и погас. Гомон стал громче, и сквозь него, как нож сквозь масло, прорезался зычный голос учительницы, в котором плавали слёзы.

– А ну тихо! Демидов, сбегай к завхозу, скажи, что у нас лампочка перегорела.

– А можно я?

– Нет, Черемяго, сиди на месте!..

Уже в туалете, посмотрев в зеркало, Егор понял, что стало причиной буйного веселья. Пятно под его носом в точности повторяло мягкие усики над верхней губой Ады Михайловны. Она, видно, подумала, что он над ней издевается... Егор вздохнул, не чувствуя стыда. Если бы он вёл себя поувереннее, то, возможно, заслужил бы со стороны одноклассников некоторое одобрение, подняв себя с самого дна на ступень повыше, став из полного ничтожества просто ничтожеством.

Повертев эту мысль так и этак, подросток прогнал её прочь. Есть мнение, что наживаясь за счёт других, ты поступаешь не очень хорошо, но что ещё делать, когда других талантов у тебя отродясь не водилось? Вот и внешностью создатель не одарил: вытянутое лицо с россыпью прыщей; что-то непонятное на голове, больше напоминающее гнездо, свитое из соломы, чем волосы; тощие руки и выпирающие даже сквозь рубашку-поло рёбра.

А ещё эта отметина под носом, будто он в течение месяца целеустремлённо выкуривал самые вонючие и коптящие сигареты, да не меньше пачки. Егор указательным пальцем попытался стереть пятно над верхней губой. Не добившись успеха, смочил обмылок и потёр им. Какие-то третьеклашки, ввалившиеся было в уборную, посмотрели на него и с хихиканьем выкатились обратно. «Ну, погодите, – бормотал про себя Егор – Я ещё вам всем покажу!»

Пятно не желало стираться, а ком слизи, казалось, проделал по пищеводу львиную часть пути. Он закашлялся и вдруг обнаружил, что голова окутана едким дымом, пахнущим бытовым газом и серой. Зажимая рот рукой, Егор вскочил на батарею, распахнул крошечное окошко с треснутым наискосок стеклом и погрузил голову в пасмурное утро. Не помогло. Лимоны и каштаны будто обугливались, источая всё тот же едкий запах. Егор бросился в кабинку и, согнувшись пополам, изверг завтрак в унитаз. Когда, переживая очередной приступ тошноты, он открыл рот пошире, оттуда с шипящим звуком вырвалась струя чада. «Я что, превращаюсь в кипящий чайник?» – в панике подумал Егор.

Ещё минуту он стоял и, согнувшись, кашлял. Потом услышал, как хлопнула дверь, и непроизвольно зажал рот ладонями.

– Ага, вот вы и попались! – услышал он мужской голос. – Я давно за вами охочусь, мелкие гадины, и сейчас покажу, что значит курить в туалете!

Пётр Филипыч. Директор. Апогей невезения. Несмотря на то, что Егор не курил, он сразу понял, что именно его назначат виновным за это досадное недоразумение.

Распахнулась дверь первой кабинки. Потом второй, совсем рядом. Директор открывал двери не то ногой, не то плечом, непрерывно кашляя в рукав, а сам мальчишка отчего-то больше не испытывал желания надирать лёгкие. Он ждал, скрючившись возле унитаза.

Но так и не дождался. Не добравшись до последней кабинки, в которой был Егор, Пётр Филипыч выбежал прочь, ругаясь такими словами, что у родительского совета (бабушка называла его «сборищем старых клуш, которым абсолютно нечего делать») отсохли бы уши.

О том, чтобы дождаться перемены и вернуться на следующий урок, не могло быть и речи. Выждав несколько минут, Егор сделал бросок к лестнице, а потом, через чёрный ход на цокольном этаже, выбежал на улицу. Судя по тому, как шарахались девочки и мамы, пришедшие забирать младшекласников, видок у него был ещё тот.

Бабушки дома не было, и хорошо: Егор подозревал, что её добродушные насмешки навсегда сделали бы из него заикающегося слюнявого дурачка... или психопата, одержимого жаждой убийства. В ванной его ещё раз вырвало, на этот раз желчью, в которой угадывались кровавые нитки.

Из ноздрей не переставая валил дым.

4.

Остаток дня Гримальдов провёл запершись в комнате и изредка пробираясь в ванную, чтобы прополоскать рот от неприятного привкуса. Он старался поменьше дышать и волноваться: ведь не может же это быть опасная болезнь? Во всяком случае, он ни разу не слышал о болезнях с такими симптомами.

– Что за вонь у нас стоит? Как будто что-то сгорело, – спросила бабушка с порога. – Ты опять пытался пожарить себе яичницу? Милый, если тебе не нравится моя стряпня, это совсем не значит, что у тебя получится утка с яблоками.

– Не я, – сказал он, а потом, неожиданно даже для себя, соврал: – Соседи из девяносто пятой квартиры чуть не сгорели – снова. К ним пожарная приезжала.

– Да? – удивилась бабушка. – Странно, что курицы на лавочке мне ничего не доложили.

Бабушка относилась к пожилым соседкам с демонстративной прохладцей. Тем не менее, несколько крикливых старушек, похожих на раздувшихся от собственной важности воробьёв, исправно старались снабжать её всеми возможными слухами.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она чуть позже, до неожиданности неслышно подкравшись к двери его комнаты.

– Простуда, – сказал Егор, может, поспешнее, чем следовало. – Не заходи. Здесь бациллы повсюду летают.

Он не ожидал, что бабушка оставит его после этого в покое, но она оставила. Егор же сосредоточился на своих ощущениях. Его бросало то в жар, то в холод, из ноздрей и изо рта сочился дым, будто где-то внутри вдруг открылся исландский вулкан с непроизносимым названием. «Умираю? – бродила в голове назойливая мысль. – Неужели это всё? Что ж, если так, никто не расстроится. Разве что, бабушка – самую малость».

Зазвонил мобильник. Егор глянул на экран и подумал: «Может, ещё и Матвей Злобищев расстроится».

– Эй, трутень, ты сегодня неплохо развлёк класс, – голос приятеля, как всегда, звучал так, будто мальчик проглотил живую креветку, которая теперь плавает в его желудке и щекочет его изнутри. – Все ржали, как кони.

– А...

– Да, она тоже смеялась.

– Кажется, это было несколько жестоко.

– О чём ты? Нет, ерунда. Усы под носом заслуживают всякого порицания, если ты не Чарли Чаплин и не поёшь в группе «Queen». А Ада Арифметиковна ни на кого из них не похожа.

– Я не специально, – смутился Егор. – Значит, говоришь, она тоже смеялась?

– Хохотала до упаду, – сказал он. – Хочешь подробностей? Давай, я сейчас заскочу.

– Нет! – крикнул Егор, но трубка уже равнодушно молчала.

Матвей был здесь уже через десять минут. Бабушка, злорадно хохоча, впихнула его в комнату внука, захлопнув дверь, а потом через стенку рассказала ребятам об эпидемии птичьего гриппа.

– Не волнуйтесь, баба Нора, если я заражусь, то улечу отсюда на своих крыльях, – сказал Матвей, внимательно разглядывая приятеля. – Просто выпорхну из окошка.

Когда шарканье бабушкиных тапочек по паласу стихло, он сказал:

– Похоже, тебе и впрямь дурно.

Матвей был единственным, кого Егор мог назвать своим другом. Это был плотный мальчишка с удивительно располагающим к себе лицом, а также живым, пытливым умом и поистине кошачьим любопытством. Пройдёт время, и он, быть может, превратится в настоящего великана, будет жать от груди вес в два раза больше своего. Пока же это немного неповоротливый подросток, который улыбкой мог отворить любую дверь и повернуть к себе любое сердце. И в то же время он был совершенно неэмоциональным. Тепло, которым он мог одарить, было таким же бесполезным, как яркий стеклянный шарик. Иногда Егор задавался вопросом: «Почему я с ним дружу?», и сам же себе отвечал: «Потому что иногда моей голове не помешает ушат воды». И ещё потому, что Матвей сам когда-то выбрал себе в друзья Егора, а разбрасываться тем, чем ты и так небогат, в правила Гримальди не входило.

– Видел вчера комету? – хмуро спросил Егор. Он лежал на диване и пытался читать журнал, но сейчас отложил его в сторону.

– Все видели.

День был облачный, и в комнате царили сумерки. Занавески развевались под порывами ветра.

– То-то и оно. А случилось только со мной.

– Что случилось? – Матвей помассировал глаза, которые начинали слезиться. Запах даже не думал выветриваться, а Егор его, похоже, просто не замечал.

– *Это*, – зловещим шёпотом сказал Гримальдов. Он открыл рот и резко выдохнул, как будто пытался выкашлять попавший не в то горло кусок. Страницы журнала в руках съёжились от жара.

– Что это у тебя в животе светится? – заинтересовался Матвей.

Егор закашлялся, комната вновь наполнилась дымом. Размахивая перед лицом руками, он грустно сказал:

– А чёрт его знает. Как будто изжога. Слушай! – он взглянул на приятеля. – А у тебя есть какая-нибудь еда?

Матвей порылся в рюкзаке и достал пачку сухариков. Егор вскочил, разорвал пакетик и высыпал в рот содержимое. Задумчиво пожевал, сглотнул и скривился.

– Ни черта не чувствую. Там всё как будто стораёт. Не смотри на меня так, я точно знаю, что это не грипп и не наследственное заболевание. Я смотрел на комету всего одним глазком, несколько секунд, и как раз в этот момент она посмотрела на меня. Этот... – Егор скомкал журнал и бросил его в мусорную корзину, – дракон на меня посмотрел. Я печёнкой ощутил его взгляд. И всё сразу же покатилося по наклонной...

Он не успел закончить. Матвей в один большой шаг очутился рядом, обхватил его за шею и больно дёрнул за волосы.

– Ещё одно слово и я тебя поколочу, – сказал он, спокойным, даже весёлым голосом. – Все мальчишки мечтают о выдающихся способностях и силах героев из их любимых фильмов, а ты только и делаешь, что ноешь. Я ещё на уроке заподозрил, что с тобой что-то не так.

– А она правда смеялась?

– Опять двадцать пять, – всплеснул руками приятель. Впрочем, секунду спустя досада на его лице уступила место хитрому выражению.

– Настька-то? Хохотала до упаду, словно ты приглашённая звезда из комедии по телеку. Может, конечно, больше над усами Софьи Михайловны, но ты там тоже пришёл к стати. Так что выше нос!

Егор отступил на шаг и страдальчески посмотрел на друга.

– Этого мне ещё не хватало.

Но он чувствовал, что неведомый пыточных дел мастер чуть ослабил давление тисков, сжимающих его сердце.

5.

Егор очень быстро понял, что если держать себя в руках, последствий «обретения невиданных сверхсил», как выразился Матвей, почти не заметно. Но стоило начать злиться, или волноваться, или радоваться (что, по правде говоря, случалось исключительно редко), как чёрный дым начинал струиться из его ноздрей и свиваться кольцами на груди.

Вернув себе видимость контроля над организмом, на следующий день он выполз к завтраку, привлечённый ароматом подгорелой яичницы, с трудом, но пробившимся через запах гари, которым прочно владели обонятельные рецепторы. Суббота звенела за окнами птичьими голосами, и в школу можно было не торопиться.

– Тебе полезен свежий воздух, – сказала бабушка, с сомнением наблюдая полёт ложки к тарелке и обратно. – Ну как, сойдёт?

– Высший класс! – ответил Егор, радостный, что не ощущает вкуса бабушкиной стряпни. Живот бурчал, бурлил, точно завод о тысяче труб.

За выходные он полностью примирился с собой и даже начал получать лёгкий кайф от своего положения, как человек, который, упав в волчью яму, любит белизной валяющихся здесь же костей. Так что в понедельник влез в старые «найки» и поплёлся в школу. Бабушка не слишком-то следила за его образованием, доверяя всё не то высшим силам, не то собственной совести, и Егор старался не пропускать уроки только потому, что совершенно не представлял, куда деть гипотетически освобождающееся время.

Когда кто-то пытался доставать его вопросом о родителях, Егор с совершенно каменным лицом рассказывал, что они погибли в автокатастрофе, некоторое время греясь в лучах сочувствия. На самом деле и с матерью, и с отцом было всё в порядке. Они даже не были в разводе и проживали в этом же городе, практически на соседней улице, ежедневно празднуя жизнь. Наверняка в тот злополучный день, когда прилетела комета, они гуляли до самого утра, пили из горла шампанское и покупали у армян румяные сочные чебуреки. Если, конечно, уже вернулись с моря: от первых тёплых деньков и до последних стареющая супружеская пара, безнадежно влюблённая друг в друга и так же безнадежно готовая рассориться из-за любой мелочи, проводила в окрестностях Адлера, в кемпинге с собственной зелёной советской палаткой, подрабатывая где придётся и валяясь на белом песочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.